

Август 2000 года

1

При рождении его чуть не убили: несколько дней кряду не давали ему спать, заставляя таранить головой закрытую матку; душили пуповиной; кромсали материнский живот холодными ножницами; зажали ему голову в тиски и, выкручивая шею, потащили прочь из родного дома, светили в глаза фонариком, дергали и ворочали, ставили над ним какие-то опыты... И в довершение всего разлучили с лежавшей на столе полумертвой матерью. Быть может, надеялись, что так он забудет о ностальгии по прежнему миру? Сперва сунули в тесную утробу (вдруг да захочется на волю), а потом притворились, будто убивают — пусть радуется обретенной свободе, хотя бы и в этой шумной пустыне, под ненадежной защитой только маминых рук, а не всего ее уютного теплого тела, составлявшего некогда его мир.

Шторы вдыхали в больничную палату свет. Сперва набухали жарким воздухом с улицы, а потом вновь приникали к высоким балконным дверям, приглушая ослепительное сияние дня.

Кто-то открыл дверь, шторы вспорхнули и затрепетали; на столе зашуршала бумага, комната побелела, и шум дорожных работ с улицы стал чуть громче. Потом дверь хлопнула, шторы вздохнули и свет померк.

— Ох, опять цветы! — застонала мама.

Сквозь прозрачные стенки кровати-аквариума ему было видно все, что творилось вокруг. Из вазы на него поглядывала липким глазом растопыренная лилия. Сквозняк иногда доносил перечный аромат фрезии, от которого тянуло чихать. Кровавые разводы на маминой ночной сорочке мешались с рыжими пятнами пыльцы.

— Как это мило... — Мама засмеялась от бессилия и возмущения. — Может, в уборной найдется для них местечко?

— Нет, там уже стоят розы, и подоконник забит всяким барахлом.

— Боже, это невыносимо. Бедные цветы губят сотнями и запихивают в белые вазочки, чтобы нас порадовать. — Она все смеялась, а по щекам текли слезы. — Лучше бы их оставили в саду...

Медсестра заглянула в карту.

— Пора принимать вольтарен, — сказала она. — Иначе опять заболит. — Она посмотрела на Роберта: в пульсирующей мгле он разглядел ее голубые глаза. — Какой осмысленный взгляд у вашего мальчика. Он явно строит мне глазки!

— С ним ведь все хорошо? — Маму внезапно обуял ужас.

Роберту тоже стало страшно. Даже в разлуке их связывала одинаковая беспомощность, как жертв кораблекрушения, вынесенных морем на незнакомый дикий берег. Не в силах ползти по песку, они просто лежали, утопая в ослепительном свете и грохоте. Впрочем, факт оставался фактом: их разлучили. Мама теперь снаружи, он это понимал. Для нее дикий берег — лишь новая роль, а для него — новый мир.

Причем мир этот казался странно знакомым. Он всегда знал, что снаружи что-то есть. Прежде он думал, будто живет в самом сердце мира, состоящего из воды и приглушенных звуков. Но теперь стены рухнули, и он увидел, какая кругом неразбериха. Что же делать? В этом оглушительно-ярком месте с тяжелой атмосферой нельзя больше ни пинаться, ни кувыркаться, и воздух жжет кожу.

Вчера он решил, что умирает. Может, так оно и было? Кругом неопределенность, и только одно не подлежит сомнению: они с матерью — больше не единое целое. После разлуки любовь к ней приобрела новую остроту. Раньше мама всегда была рядом, а теперь он мог лишь мечтать о близости. Ничего печальнее этого первого вкуса тоски по ней не было на свете.

— Ай-ай, что случилось? — запричитала медсестра. — Мы проголодались или просто хотим на ручки?

Она достала его из аквариума, пронесла над пропастью, разделявшей кровати, и положила прямо в мамины руки, на которых синели кровоподтеки.

— Постарайтесь подержать его у груди подольше, а потом поспите, если сможете. Вы оба так пострадали за эти два дня.

Он был раздавлен и безутешен. Как жить в этом мире, полном накала и сомнений? Он срыгнул молозивом на мать, и в последовавшие за этим

мгновения расплывчатой пустоты обратил внимание на шторы, взбухающие ярким светом. Ага, вот как здесь все устроено. Тебя пытаются очаровать и отвлечь всякими штуками, чтобы ты забыл о разлуке.

Впрочем, не стоит преувеличивать потерю. Прежний мир становился тесноват. Ближе к концу он отчаянно мечтал о свободе, но представлял себе ее совсем иначе: как возвращение в безбрежный океан своей юности, а не изгнание в этот жестокий край. И даже во сне ему не удавалось вернуться в океан: между ним и прошлым висела пелена ужаса и насилия.

Его медленно понесло к липким границам сна. Куда он попадет — в мир, где можно плавать и кувыряться, или обратно в мясорубку родовой палаты?

— Бедный мой малыш, тебе просто приснился дурной сон, — сказала мама, глядя его по голове.

Плач начал стихать.

Она поцеловала его в лоб, и он вдруг осознал: хоть они с мамой больше не вместе, мысли и чувства у них по-прежнему одни. Он содрогнулся от облегчения и принялся наблюдать за шторами.

Видимо, он заснул, потому что теперь в палате был папа, который уже болтал без умолку:

— Я сегодня посмотрел несколько квартир, и могу сказать, что дела наши плохи. Лондонский рынок недвижимости — это ад кромешный. Я склоняюсь к запасному варианту.

— А есть запасной вариант? Я забыла.

— Не менять жилье. Поделим кухню пополам, в кладовке будут храниться его игрушки, а кровать встанет на место холодильника.

— А швабры куда?

— Не знаю, куда-нибудь.

— А холодильник?

— В кладовку рядом со стиральной машиной.

— Не влезет.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, и все.

— Не суть... что-нибудь придумаем. Я пытаюсь рассуждать практично. С рождением ребенка многое меняется, знаешь ли. — Папа

наклонился к маме поближе и прошептал: — В конце концов, мы всегда можем уехать в Шотландию.

Он научился быть практичным. Жена и сын тонут в луже смятения и чувств, и ему надо их спасти. Роберт чувствовал все, что чувствует он.

— Какие крошечные у него ручки, — сказал папа. — Он приподнял ладошку Роберта мизинцем и поцеловал. — Можно мне его подержать?

Мама протянула его папе:

— Обязательно поддерживай головку. Шея у него пока слабая.

Все занервничали.

— Так? — Папина рука поползла вдоль позвоночника и скользнула Роберту под голову.

Он постарался успокоиться: не хотелось расстраивать родителей.

— Вроде бы. Я и сама толком не знаю.

— Ох... Как это нам позволили завести ребенка без лицензии? В наше время даже собаку без лицензии не купишь; да что там собаку — телевизор! Может, позовем нянечку — пусть нас научит? Как бишь ее...

— Маргарет.

— Кстати, где Маргарет будет спать до нашего отъезда к маме?

— Говорит, диван ее вполне устроит.

— Да, но устроит ли она диван...

— Ну что ты такое говоришь? Она, между прочим, на «химической диете».

— Как любопытно! Няня прямо открывается мне новыми гранями.

— Она очень опытная.

— А мы — разве нет?

— Я про младенцев.

— Ах да, младенцы...

Отец потерся об него колючей щекой и чмокнул в ухо.

— Зато мы его обожаем, — сказала мама сквозь слезы. — Разве этого не достаточно?

— Быть обожаемым двумя недоделанными родителями в убогой квартирке? Слава богу, у него есть поддержка в лице двух бабушек: у одной вечный отпуск, а вторая так печется о планете, что не способна порадоваться рождению очередного вандала, который с малолетства примется транжирить ее драгоценные ресурсы. Дом моей матери уже настолько полон шаманских погремушек, всяких «тотемных животных»

и «внутренних детей», что настоящий ребенок там не поместится.

— Все будет хорошо. Мы больше не дети, мы — родители.

— Нет, мы — и то и другое, в этом вся беда. Знаешь, что мне на днях сказала мама? На ребенка, рожденного в развитой стране, тратится в двести сорок раз больше ресурсов, чем на ребенка, рожденного в Бангладеш. Если б нам хватило самоотверженности усыновить двести тридцать девять бангладешских детей, она оказала бы нам куда более теплый прием, но этот новорожденный Гаргантюа, который забросает грязными подгузниками десятки свалок, а потом, желая поиграть в крестики-нолики с виртуальным приятелем из Дубровника, начнет клянчить компьютер, вычислительная сила которого позволит запустить ракету на Марс, не заслуживает ее одобрения. — Папа умолк. — Все нормально?

— Я счастлива как никогда. — Мама вытерла рукой мокрые щеки. — Просто чувствую себя такой пустой.

Она поднесла голову младенца к груди, и тот принялся сосать. В рот полилась тонкая струйка знакомых ощущений из прежнего дома: они с мамой вновь были вместе. Он чувствовал ее сердцебиение. Покой окутал его с ног до головы, как новая утроба. Может, здесь не так уж и плохо — просто сюда трудно попасть.

Вот все, что Роберт запомнил о первых днях своей жизни. Воспоминания вернулись к нему в прошлом месяце, когда у него родился младший брат. Вполне может быть, что разговор родителей он подслушал недавно, но их слова напомнили ему о времени, проведенном в роддоме, так что воспоминания в любом случае были достоверны и принадлежали ему.

Роберт был одержим собственным прошлым. Недавно ему исполнилось пять лет. Целых пять лет — он больше не малыш, как Томас. Младенческая пора его жизни заканчивалась, и среди поздравительных воплей и оваций, сопровождавших каждый его шаг навстречу совершеннолетию, слышался шепоток сожаления. Что-то случилось, когда он освоил речь. Старые воспоминания начали обваливаться, как оранжевые глыбы с утеса за его спиной, и падать во всепоглощающее море, которое лишь сверлило его пристальным взглядом, когда он пытался в него заглянуть. На смену младенчеству

приходило детство. Роберту отчаянно хотелось вернуть прошлое, ведь иначе оно целиком достанется Томасу.

Роберт обогнал родителей с братом и Маргарет и теперь неуклюже пробирался по скалам к грохочущей гальке нижнего пляжа, держа в вытянутой руке ободранное пластиковое ведро с прыгающими дельфинами на боку. Сверкающие камешки, которые обсыхали и тускнели, прежде чем он успевал похвастаться находкой, больше его не манили. Теперь он охотился за обкатанными морем мармеладными стеклышками, что прятались под черной и золотистой галькой на берегу. Даже обсохнув, они излучали какой-то мутноватый, пришибленный свет. Отец рассказывал, что стекло делают из песка, — выходит, эти стеклышки были уже на полпути туда, откуда пришли.

Роберт выскочил на берег. Оставив ведро на высоком валуне, он начал охоту. Когда вода вспенилась у его ног и отхлынула, он принялся разглядывать пузырящийся песок. Подумать только, уже под первой волной его ждала ценная находка: не бледно-зеленая или молочно-белая бусина, а редкий желтый самоцвет. Он вытащил его из песка, ополоснул в накатившей волне, зажал между большим и указательным пальцем и поднял на свет — янтарное бобовое зернышко. Очень хотелось поделиться с кем-нибудь своим восторгом, но родители возились с малышом, а няня что-то искала в сумке.

Та же няня — Маргарет — присматривала и за ним, когда он только родился. Роберт ее помнил. Тогда все было иначе, ведь он был у мамы один. Маргарет говорила, что готова «часами трепаться о чем угодно», но на самом деле болтала только о себе. Папа называл ее «великим теоретиком диетологии». Роберт точно не знал, что это такое, но, похоже, именно из-за этого она стала такой толстой. Вообще-то, на сей раз родители хотели сэкономить на няне, однако в последний момент — перед самым отъездом во Францию — вдруг передумали. И чуть было не передумали снова, когда узнали, что в такие короткие сроки агентство может предложить им только услуги Маргарет.

— Что ж, вторая пара рук мне в любом случае не помешает, — рассудила мама.

— Да, но к этим рукам, увы, прилагается еще и рот, — сказал отец.

Роберт познакомился с Маргарет сразу после приезда из роддома. На родительской кухне он очнулся в ее тряских объятьях.

— Я поменяла его высочеству подгузник, так что попка у нас сухая, — сообщила она матери.

— Как мило с вашей стороны, — сказала мама. — Благодарю!

Роберт сразу почувял, что Маргарет другая. Слова хлестали из нее сплошным потоком, как вода из переполненной ванны. Мама говорила редко и мало, но зато ее речь была похожа на объятья.

— Как ему спится в кроватке? — спросила Маргарет.

— Если честно — не знаю, он вчера спал с нами...

Маргарет утробно зарычала.

— Хмммм... Дурные привычки заводите!

— Он не хотел засыпать у себя.

— И никогда не захочет, если будете и дальше оставлять его в своей кровати.

— «Никогда» — это слишком громко сказано. До минувшей среды он жил у меня в животе, инстинкты подсказывают мне не торопить события. Хочу все делать постепенно.

— Что ж, не стану спорить с вашими *инстинктами*, милочка, — выплюнула Маргарет, — но мой сорокалетний *опыт* позволяет делать определенные выводы. Мамочки на руках меня носили за то, что я укладывала их детей в кроватку. Вот недавно мне позвонила одна бывшая клиентка — арабка, между прочим, милейшая женщина — и сказала: «Ах, зря я вас не послушала, нельзя было спать вместе с Ясмин! Теперь не могу ее отучить». Она хотела пригласить меня снова, но я отказалась. Говорю: «Извините, голубушка, но у меня начинается новая работа: в июле я отправляюсь на юг Франции, мы будем жить у бабушки ребенка».

Маргарет потрянула головой и зашагала по кухне, обрушив на лицо Роберта лавину хлебных крошек. Мама промолчала, однако няня не унималась:

— Помимо всего прочего, это нехорошо по отношению к малышу! Они так любят спать в своих кроватках. Впрочем, я просто привыкла все делать на свой лад — ведь это *мне* потом не спать по ночам.

В комнату вошел отец и поцеловал Роберта в лоб.

— Доброе утро, Маргарет. Надеюсь, вы хорошо спали? Нам-то поспать не удалось.

— Да, спасибо, диван вполне удобный. Но, разумеется, я буду только

рада отдельной комнате — когда мы приедем к вашей матушке.

— Очень на это рассчитываю, — сказал отец. — Вы все собрали? Такси приедет с минуты на минуту.

— Ну, времени *разобрать* чемоданы у меня не было, верно? Я только панаму достала — на случай, если там будет жарить солнце.

— Там всегда жарит солнце. Моя мать может жить только в условиях глобального потепления, на меньшее она не согласна.

— Что ж, нам в Ботли глобальное потепление бы не помешало.

— Лучше молчите об этом, если хотите получить хорошую комнату при Фонде.

— При каком-то фонде?

— О, моя матушка ведь основала Трансперсональный фонд, вы не слышали?

— То есть вы не унаследуете ее дом?

— Нет.

— Страсти какие!.. — Бледная восковая физиономия Маргарет нависла над Робертом, с новой силой посыпая его лицо хлебными крошками.

Роберт почувствовал, что отец раздосадован.

— Его такими новостями не проймешь, — сказала мама.

Все одновременно пришли в движение. Маргарет в панаме шла первой, за ней плелись родители Роберта с вещами. Его вынесли на улицу — туда, откуда шел свет. Он был потрясен. Мир показался ему родовой палатой, в которой со всех сторон неслись крики новой честолюбивой жизни. Ветви лезли вверх, листья трепетали, по залитому светом небу плыли кучевые горы с размытыми краями. Роберт чувствовал мысли мамы, чувствовал мысли отца и чувствовал мысли Маргарет.

— Ему понравились облака, — заметила мама.

— Он их пока не видит, голубушка, — сказала Маргарет. — В этом возрасте они еще не могут фокусироваться на предметах.

— Даже если он не видит их так, как видим мы, это не мешает ему смотреть, — сказал отец.

Маргарет фыркнула и села в гудящее такси.

Роберт неподвижно лежал на коленях матери, но земля и небо за окном куда-то скользили. Раз вокруг все движется, значит он тоже

находится в движении? Свет отражался от окон, проплывавших мимо домов, со всех сторон на Роберта накатывали разнообразные вибрации, а потом между зданиями впереди развернулся каньон, и по лицу Роберта пополз клин солнечного света, от которого его веки изнутри стали оранжево-розовыми.

Они ехали к бабушке, в тот же дом, где жили и теперь, спустя неделю после рождения брата.

Роберт сидел на подоконнике в своей комнате и играл с собранными на берегу бусинами, выкладывая из них разные узоры. За москитной сеткой (порванной и залатанной) зеленела масса спелых листьев росшего на террасе платана. Когда дул ветер, листья издавали звук, похожий на чмоканье. Если начнется пожар, будет очень удобно выбираться по ветвям платана из комнаты — но, с другой стороны, по ним же в комнату может залезть похититель. Раньше мысли о похитителях никогда не приходили ему в голову, а теперь он только об этом и думал. Мама рассказывала, что младенцем он очень любил лежать в колыбельке под ветвями платана. Теперь, заключенный в скобки из родителей, там лежал Томас.

Маргарет должна была завтра уехать — слава богу, сказал отец. Родители дали ей лишней выходной, но она уже вернулась из деревни и обрушила на них роковую весть. Роберт вразвалку зашагал по комнате, изображая Маргарет, затем вернулся к окну. Все считали, что он великолепно пародирует людей. Воспитатель пошел еще дальше и выразил надежду, что «мальчик сумеет направить свой зловещий дар в конструктивное русло». И действительно, когда Роберта заинтриговывала какая-нибудь ситуация — в данном случае возвращение Маргарет, — он мог почувствовать и воспринять все, что захочет. Он прижался лицом к москитной сетке, чтобы получше рассмотреть происходящее внизу.

— О-о, какая жарница! — причитала Маргарет, обмахиваясь журналом по вязанию. — Представляете, в Бандоле нет зернового творожка. И продавцы в супермаркете не говорят по-английски! «Зерновой творог, — твержу я им, показывая на фотографию пшеницы в хлебном отделе. — Зерно, только из молока!» Но они так и не сообразили, что я имела в виду.

— Редкие тупицы, — заметил отец. — Вы ведь дали им превосходную подсказку!

— Хм... В общем, пришлось вместо творога набрать французских

сыров, — сказала Маргарет, присаживаясь на невысокий каменный заборчик. — Как малыш?

— Немного устал, — ответила мама.

— Конечно — на такой-то жаре! — воскликнула Маргарет. — Мне кажется, на пароме со мной случился тепловой удар. Зажарилась до хрустящей корочки. Почаще давайте ему воду, голубушка. По-другому он не может охладиться — потеть в таком возрасте они еще не умеют.

— Очередное досадное упущение. Потеть не умеют, ходить не умеют, говорить не умеют... Читать, водить машину и выписывать чеки тоже не умеют! А вот жеребята умеют стоять уже спустя несколько часов после рождения. Если бы лошади пользовались услугами банков, они бы и тут людей обскакали: им бы уже к концу недели открыли кредит.

— Лошадям банки ни к чему.

— Да уж... — бессильно выдохнул Патрик.

Через мгновение восторженная песнь цикад заглушила голос Маргарет, и Роберту показалось, что он в точности помнит свои ощущения той поры, когда он лежал в колыбельке под прохладной сенью платанового дерева, слушая, как сплошная стена стрекота рушится, уступая место голосу одной-единственной цикады, а потом вновь поднимается сухой неистовый треск. Звуки, образы, впечатления падали в сознание Роберта и оставались лежать на месте, он их не трогал. В той прохладной зеленой тени объяснения предметам и явлениям находились сами собой, но не потому, что он понимал, как все устроено, а потому, что знал собственные мысли и чувства и не должен был никому их объяснять. Если хотелось поиграть со своими мыслями, никто не мог ему помешать. Роберт просто лежал в колыбельке, ничего опасного не делал. Иногда он воображал себя тем предметом, на который смотрел, а иногда представлял, что оказался в пространстве между собой и этим предметом. Но больше всего ему нравилось просто глядеть, никем себя не воображать и не смотреть прицельно, а словно бы парить в этом рассеянном взгляде, как ветер, что возникает ниоткуда и дует просто так, никуда особо не стремясь.

Брат, наверное, тоже сейчас парил, лежа в старой колыбельке Роберта. Взрослые ничего не понимают в парении. В этом их беда: они всегда хотят быть в центре внимания, заваливают тебя едой, принуждают спать, отчаянно пытаются научить тому, что знают сами, и забыть то,

что сами забыли. Роберт ненавидел спать. Так ведь можно пропустить самое интересное: пляж с желтыми стеклышками, скачущего по сухой траве кузнечика, чьи крылья похожи на отлетающие от ног искры.

Роберт любил жить у бабушки. С тех пор как он родился, они приезжали сюда раз в год, но зато — каждый год. Ее дом назывался Трансперсональный фонд. Роберт не очень-то понимал, что это значит, и остальные, похоже, тоже не понимали, даже Шеймус Дурк, который в этом фонде был самый главный.

— Твоя бабушка — чудесная женщина, — сказал он однажды Роберту, глядя на него темными мерцающими глазками. — Она помогла множеству людей обрести связь.

— С чем? — не понял Роберт.

— С другой реальностью.

Порой он не уточнял у взрослых, что они имеют в виду, поскольку его бы приняли за идиота, а иногда — потому что идиотами были они сами. В данном случае верно было и то и другое. Роберт обдумал слова Шеймуса и не понял, откуда взялась эта другая реальность. Состояний ума действительно может быть несколько, и реальность вмещает их все. Так он и сказал матери, на что она ответила: «Да ты мой умница», но как-то рассеянно, не обращая особого внимания на его теоретизирование, хотя раньше обращала. Теперь же она всегда бывала слишком занята. Взрослые не понимали, что ему в самом деле очень нужно получить ответ.

Брат, дремавший под платаном, внезапно закричал. Роберту захотелось, чтобы он перестал плакать. Младенчество младшего брата глубинной бомбой взрывалось в его памяти. Крики Томаса напоминали ему о собственной беспомощности: о беззубых ноющих деснах, о произвольных подергиваниях рук и ног, о мягкости родничка, который можно было пробить одним движением пальца и сразу же попасть в растущий мозг. Он вспоминал, как целыми днями на него сыпались предметы без названий и названия без предметов, и еще — смутное чувство: мир до дикой банальности детства, до того, как ему нужно было первым выбежать на свежевывпавший снег и разрушить его идеальную белизну, и даже до того, как он осознал себя зрителем, глядевшим в окно на белый пейзаж, когда разум его сам был подобен полям безмолвного хрусталя, еще ждущего вмятины от упавшей ягоды.

Роберт видел во взгляде Томаса такие состояния разума, которых при всем желании не мог бы изобрести сам. Они возникали в чахлой пустыне его опыта подобно мимолетным пирамидам. Откуда они брались? Порой он ощущал себя маленьким зверьком, тревожно нюхающим воздух, а уже несколько секунд спустя, примирившись со всем миром, излучал вселенский покой. Роберт чувствовал, что не мог взять и выдумать эти сложные состояния, и Томас тоже не мог. Просто его младший брат пока не знал, что знает, и еще не начал рассказывать себе историю о происходящем вокруг. Он был слишком мал и еще не обзавелся необходимым для рассказывания историй объемом внимания. Роберту придется делать это за него. Разве не для этого нужен старший брат? Он уже попался в ловушку нарратива, так что можно и младшего с собой прихватить — тем более тот по мере сил помогает Роберту сложить воедино кусочки его собственной истории.

Внизу, одержав победу над стрекотом цикад, вновь раздался зычный голос Маргарет.

— Кормящая мать должна хорошо питаться, — начала она вполне разумно. — Нет ли у вас диетического печенья? Или каких-нибудь печенюшек к чаю? Ими можем перекусить прямо сейчас. А после необходим плотный, богатый углеводами обед. На овощи не налегаем, от них у малыша будет вздутие. Подойдет ростбиф и йоркширский пудинг, на гарнир печеный картофель, а к чаю — пара ломтиков бисквита.

— Господи, в меня же столько не влезет! В моей книжке написано, что можно есть рыбу и овощи гриль, — ответила его усталая, худая, элегантная мама.

— Немного овощей не повредит, — проворчала Маргарет. — Но никакого лука, чеснока и пряностей. Одна мамаша в мой выходной наелась карри. Возвращаюсь я домой, а ребенок орет как резаный. «На помощь, Маргарет! Мамочка устроила революцию в моем животике!» Лично я всегда говорю: «Принесите мне мяса и гарнир из двух видов овощей, но если овощей нет — ничего страшного».

Роберт запихнул под футболку подушку и ковылял по комнате, изображая Маргарет. Когда его голова наполнялась чьими-то словами, он не мог молчать. Он так увлекся этим делом, что не заметил вошедшего в комнату отца.

— Что это ты делаешь? — спросил Патрик, смутно догадываясь об ответе.

— Изображаю Маргарет.

— Не хватало нам второй Маргарет! Идем пить чай.

— Я и так объелся, — ответил Роберт, поглаживая подушку. — Пап, когда Маргарет уедет, я сам могу давать маме вредные советы по уходу за малышами. Совершенно бесплатно!

— Жизнь определенно налаживается, — сказал папа, протягивая ему руку. Роберт застонал, встал с пола, и они вдвоем пошли вниз, радуясь своей тайной шутке.

После чая Роберт отказался выходить на улицу вместе со всеми — они только и делали, что говорили о младенце и строили догадки о его мыслях, — и пошел наверх. Но решение это с каждой ступенькой давило на Роберта все сильнее, а наверху он окончательно передумал: плюхнулся на пол и стал смотреть между балясинами вниз, гадая, заметят ли родители его печальное и обиженное отсутствие.

На полу коридора, залезая на стены, лежали косые прямоугольники вечернего света. Один солнечный луч откололся и, угодив в зеркало, задрожал на потолке. Томас пытался про это рассказать. Мама, прочитав мысли сына, поднесла его к зеркалу и показала то место, где свет отражался от блестящей поверхности.

Папа принес Маргарет стакан с ярко-красной жидкостью.

— О-о, спасибо большое! Не знаю, стоит ли мне сейчас пить спиртное, солнечный удар все-таки. Я здесь прямо как на курорте — вы такие заботливые родители, мне и делать-то ничего не приходится. Ах, гляньте, малыш любит свое отражение в зеркале! — Она обратила розовый блеск своего лица на Томаса. — Ты не можешь понять, здесь ты или там, правда?

— Мне кажется, он в состоянии сообразить, что находится в собственном теле, а не размазан по стеклу, — сказал отец. — Он ведь пока не прочел эссе Лакана о стадии зеркала — с этого обычно начинается весь сыр-бор.

— Что ж, в таком случае мы остановимся на Кролике Питере, — хихикнула Маргарет, глотнув красной жидкости.

— Я очень хочу пойти с вами погулять, — сказал папа, — но мне нужно срочно ответить на миллион важных писем.

— О-о, папочка будет отвечать на важные письма! — запричитала Маргарет, обдавая лицо Томаса красным запахом. — Придется тебе довольствоваться Маргарет и мамочкой!

Она неверной походкой направилась к выходу. Солнечный ромб на миг исчез с потолка, потом вспыхнул вновь. Родители Роберта молча уставились друг на друга.

Когда они вышли, он представил огромное пустое пространство, которое ощущал вокруг себя его брат.

Он украдкой спустился до середины лестницы и выглянул в открытую дверь. Золотой свет уже отвоёвал верхушки сосен и камни цвета слоновой кости в оливковой роще. Мать вышла босиком на траву и села по-турецки под любимым перечным деревом, а Томаса положила в гамачок, получившийся из юбки, — одной рукой она придерживала его, а второй гладила по животу. На лице младенца плясали тени ярких зеленых листочков.

Роберт выбрал на улицу, не зная, куда себя деть. Никто его не звал, поэтому он отправился за дом — как будто с самого начала хотел спуститься ко второму пруду и посмотреть золотых рыбок. На глаза попала блестящая вертушка, которую Маргарет купила для Томаса возле карусели в Лакосте. Вертушка торчала из земли рядом с перечным деревом. Сверкающие колесики из золотой, серебряной, зеленой и голубой фольги крутились от ветра. «Здесь есть и яркие цвета, и движение — им такое нравится», — сказала Маргарет. А Роберт тут же выдернул вертушку из коляски и, размахивая ею в воздухе, помчался вокруг карусели. Палочка почему-то сломалась, и всем стало обидно за малыша, который даже не успел порадоваться новой блестящей игрушке. Отец задал Роберту миллион вопросов, хотя, в сущности, вопрос-то был один. Ты ревнуешь? Ты злишься, потому что Томасу достается все наше внимание и новые игрушки, да? Да? Да? Да? Роберт отвечал одно: «Я не нарочно». В самом деле, он не хотел ломать вертушку, но брата и впрямь ненавидел — и сам был тому не рад. Разве родители не помнят, как им было здорово втроем? Они так любили друг дружку, что даже короткая разлука причиняла боль. Разве им мало одного Роберта? Разве его не достаточно? Или он недостаточно хорош? Они сидели втроем на этой лужайке перед домом и бросали друг другу красный мяч (Роберт его припрятал, чтобы он не достался Томасу). Не

важно, ловил он его или нет, все смеялись, и всем было хорошо. Зачем же они это испортили?

Быть может, он стал слишком взрослый. Малыши ведь лучше. Малышей чем угодно можно удивить. Взять хотя бы этот пруд с рыбками, в который Роберт сейчас швырял камешки. Мама однажды поднесла Томаса к пруду и, показывая на рыбок пальцем, говорила ему: «Рыбки». С Робертом такой номер бы не прошел. И вообще, откуда брату было знать, что мама имела в виду именно рыбок, а не пруд, воду, водоросли, отражения облаков? Да и видел ли он самих рыб? Как он может понять, что слово «рыбки» означает рыб, а не какой-нибудь цвет или действие?

Когда наконец освоишь слова, кажется, что мир — это все, что можно описать. Но ведь мир — это еще и то, что описать нельзя. В каком-то смысле вещи казались более совершенными, когда он вообще ничего не мог описать. После рождения брата Роберт стал гадать, каково это — опираться только на собственные мысли. Стоит научиться говорить, тебе останется лишь без конца тасовать замусоленную колоду из нескольких тысяч слов, которыми до тебя уже пользовались миллионы людей. Бывают редкие моменты свежести, но не тогда, когда удастся облечь в слова жизнь мира, а когда из этой мысленной субстанции чудом рождается новая жизнь. Однако и до того, как слова перемешались с мыслями, мир то и дело взрывался ослепительными вспышками на небосводе его внимания.

Вдруг закричала мама:

— Что вы с ним сделали?!

Роберт выбежал из-за угла террасы как раз в тот миг, когда отец вылетел из дому. Маргарет лежала на лужайке, а Томас распластался у нее на животе.

— Все хорошо, голубушка, все хорошо, — ответила она маме. — Гляньте, он уже и плакать перестал! Весь удар пришелся на мою пятую точку. Опыт и выучка что-то да значат. Я, наверно, сломала палец, но незачем беспокоиться о глупой старухе, раз малыш цел и невредим.

— Впервые слышу от вас мудрые слова, — прошипела мама, которая никогда и ни о ком не отзывалась дурно.

Она выхватила Томаса у Маргарет и осыпала поцелуями его голову. Видно было, что ее распирает злость, но по мере того, как она целовала

сына, все нехорошее утонуло в нежности.

— Он цел? — спросил Роберт.

— Вроде да, — ответила мама.

— Надеюсь, с ним все будет хорошо, — сказал Роберт, и они вместе ушли в дом, оставив Маргарет лежать на земле и возмущаться в одиночестве.

На следующее утро они спрятались от Маргарет в родительской спальне. Днем отцу предстояло везти ее в аэропорт.

— Что ж, пора спускаться, — сказала мама, застегивая комбинезончик Томаса и подхватывая его на руки.

— Не-ет! — завыл папа и плюхнулся на кровать.

— Ну что за детский сад?

— Когда у тебя появляется ребенок, ты и сам начинаешь ребячиться, заметила?

— У меня нет времени на ребячество, это привилегия отцов.

— Если бы ты нашла нормальную помощницу, время бы нашлось.

— Идем! — Мама протянула папе свободную руку.

Он легонько ее стиснул, но не сдвинулся с места.

— Не могу решить, что хуже, — сказал он, — разговаривать с Маргарет или слушать ее.

— Слушать, — проголосовал Роберт. — Именно поэтому после отъезда Маргарет я буду постоянно ее изображать.

— Вот спасибо, — сказала мама. — Смотри, твоя безумная идея даже Томаса насмешила. Он улыбается!

— О нет, голубушка, это не улыбка, — проворчал Роберт, — это газы терзают его крошечные внутренности.

Все засмеялись, а мама тут же прошептала:

— Ш-ш-ш, она нас услышит!

Напрасно — Роберт твердо решил всех позабавить. Покачивая бедрами из стороны в сторону, чтобы смягчить продвижение вперед, он подплыл к маме.

— Ваша наука для меня не аргумент, голубушка, — сказал он. — Я же вижу, ему не нравится эта смесь, пусть она и сделана из молока органических коз. Помню, работала я как-то в Саудовской Аравии — моя клиентка была принцессой, между прочим... Так вот, я им говорю:

«Извините, но с этой смесью я работать не могу, мне нужен „Золотой стандарт“ фирмы „Кау энд Гейт“». А они: «Конечно, Маргарет, у вас ведь такой большой опыт, мы вам полностью доверяем». И представляете, привезли мне нужную смесь на своем частном самолете.

— Как ты все это запомнил? — спросила его мама. — Ужас какой! Я тогда ответила Маргарет, что частного самолета у нас, увы, нет.

— Ну да, деньги у них водились, — продолжал Роберт, гордо тряхнув головой. — Как-то раз я *мимоходом* заметила, что у принцессы очень красивые тапочки. Не успела я глазом моргнуть, а в спальне меня уже ждали точно такие же! Похожая история приключилась с фотоаппаратом принца. Признаю, мне было очень неловко. Потом я каждый раз говорила себе: «Маргарет, тебе надо научиться молчать!» — Роберт погрозил себе пальцем, уселся рядом с папой на кровать и, горько вздохнув, продолжил: — Но слова сами срывались с губ. Знаете, как это бывает — обронишь случайно что-нибудь вроде: «Ах, какая красивая шаль, голубушка, какая мягкая ткань!», и вечером точно такой же платок лежит на твоей кровати. В конце мне даже пришлось купить новый чемодан для их подарков.

Родители изо всех сил пытались не шуметь, но удержаться от смеха не могли. Когда Роберт выступал, они совсем не обращали внимания на Томаса.

— Ну вот, как мы теперь спустимся в столовую? — Мама присела к ним на кровать.

— Это невозможно, — сказал папа. — Выход перекрыт силовым полем.

Роберт подбежал к двери и сделал вид, что его отбросило назад.

— А-а! — закричал он. — Это поле Маргарет! Нам не пройти, капитан!

Он немного покатался по полу, а затем снова залез в кровать к родителям.

— Мы словно гости из «Ангела-истребителя», собравшиеся на званый ужин, — заметил папа. — Проторчим здесь несколько дней, а потом нас будут вызволять полицейские и солдаты...

— Надо взять себя в руки, — сказала мама. — Давайте расстанемся с ней по-хорошему.

Никто не шевельнулся.

— Как думаешь, почему нам так трудно выйти из комнаты? — принялся гадать папа. — Быть может, мы сделали из Маргарет козла отпущения? Мы чувствуем вину перед Томасом за то, что не можем уберечь его от страданий, которые выпадают на долю любого человека, и подсознательно пытаемся свалить вину на Маргарет — что-то в этом духе.

— Давай не будем все усложнять, милый... — сказала мама. — Она просто ужасная зануда и не способна ухаживать за Томасом. Поэтому мы и не хотим больше ее видеть.

Тишина. Томас уснул, и все приняли негласное решение помолчать. Роберт потянулся, закинул руки за голову и принялся разглядывать потолочные балки. На дереве проступила знакомая картинка из пятен и сучков: профиль носатого человека в шлеме. Сперва Роберт мог видеть его или не видеть по желанию, но через минуту-другую лицо отказалось исчезать, обзавелось безумными глазами и впалыми щеками. Мальчик хорошо знал этот потолок: раньше в комнате спала бабушка и он частенько сюда приходил. Сама бабушка теперь жила в доме престарелых. Роберт все еще помнил древнюю фотографию в серебряной рамке у нее на столе: снимок будоражил его воображение, поскольку бабушке на нем было всего несколько дней от роду. Малышка лежала на груди мехов, шелков и кружев, а на голове у нее красовался расшитый бисером тюрбан. Бабушкин взгляд был на удивление пронзителен — Роберту казалось, что она пришла в ужас от этой кучи баракла, накупленного неумемной матерью.

— Люблю эту фотографию, — говорила бабушка. — Она напоминает мне о той поре, когда я только появилась на свет и была ближе к источнику.

— Какому источнику? — не понял Роберт.

— Ближе к Богу, — застенчиво пояснила она.

— Лицо у тебя не очень-то довольное, — заметил он.

— Мне кажется, так выглядит человек, который еще не все забыл...

Впрочем, ты прав. С материальным миром я никогда не ладила.

— Что такое материальный мир?

— Земной шар, — ответила бабушка.

— Ты бы лучше жила на Луне?

Она с улыбкой погладила его по щеке и ответила:

— Однажды ты все поймешь.

Теперь вместо фотографии на столе разместились пеленальный матрасик, таз с водой и стопка подгузников.

Он любил бабушку, хотя она и передумала оставлять им свой дом. Ее лицо затягивала паутина морщинок, возникших от постоянных попыток быть хорошей, от бесконечных волнений о судьбе мира и Вселенной, от переживаний за всех несчастных и обездоленных, с которыми она даже не была знакома, от мыслей о планах Господа на ее дальнейшую жизнь. Папа не считал ее хорошей — одного желанья для этого мало, полагал он. И часто повторял Роберту, что надо любить бабушку, «несмотря ни на что». Так Роберт понял, что папа ее больше не любит.

— Томас будет помнить это падение до конца жизни? — спросил он у папы, не отрывая глаз от потолка.

— Ну что ты, — ответил тот. — Никто не помнит, что с ним происходило сразу после рождения.

— А я помню, — сказал Роберт.

— Надо как-то его развеселить, — сменила тему мама, явно не желая заострять внимание родных на вранье Роберта. Но он не врал. Ни капельки.

— Зачем его веселить, он даже не ушибся. И наверняка подумал, что валяться на животе у барахтающейся Маргарет — обычное дело в этом мире. Да мы сами больше перепугались, чем он!

— Поэтому и надо его развеселить. Он ведь чувствует наше беспокойство.

— В каком-то смысле ты права, — признал папа. — Но в мире младенцев царит демократия странности. С ними все происходит впервые — а удивляют, скорее, повторения определенных событий и явлений.

Все-таки малыши — это классно, рассудил Роберт. Можно придумывать и говорить о них что в голову взбредет, возразить-то они не могут.

— Уже двенадцать, — вздохнул отец.

Все они пытались побороть лень, но желание сбежать от неприятных обязанностей загоняло их глубже и глубже в зыбкую мякоть матраса. Роберту хотелось задержать родителей еще на чуть-чуть.

— Иногда, — мечтательно заговорил он голосом Маргарет, — когда я

в перерывах между семьями живу дома, у меня прямо руки начинают чесаться. Так хочется потрогать младенчика! — Он схватил Томаса за ножку и сделал вид, что хочет его сожрать.

— Аккуратней, — сказала мама.

— Между прочим, он прав, — заметил папа. — Дети — ее наркотик. Они нужны ей куда больше, чем она нужна им. Малышам позволено быть жадными и думать только о себе, вот она и использует их для маскировки.

После моральных усилий, приложенных, чтобы вылезти из комнаты и наконец посвятить общению с Маргарет еще час своей жизни, всем стало даже как-то обидно, когда в гостиной ее не оказалось. Мама ушла на кухню, а папа с Робертом сели на диван, положив посередине Томаса. Тот увлекся разглядыванием картины, висевшей на стене прямо над диваном, и замолчал. Роберт опустил голову на один уровень с его головой и понял, что самой картины Томас не видит: мешают блики на стекле. Сразу вспомнилось, что и его в раннем детстве увлекали стекла. Казалось, отраженное от поверхности изображение затягивает его все глубже в пространство за его спиной. В этом стекле отражалась дверь, а за дверью — олеандр, цветы которого мерцали крошечными розовыми огоньками на глянцевой поверхности. Роберт сосредоточил внимание на исчезающих пятнах неба между ветвями олеандра и тут же в своем воображении перенесся в настоящее небо: разум его стал подобен двум конусам, соприкоснувшимся вершинами. Он был там с Томасом, точнее, Томас был с ним: они вместе мчались в бесконечность на лоскутке света. Вдруг Роберт заметил, что цветы исчезли: дверной проем перегородил чей-то крупный силуэт.

— Маргарет пришла, — сказал он.

Папа обернулся, а Роберт продолжал наблюдать за отражением: Маргарет горестно понесла свою тушу в их сторону. В нескольких футах от дивана она остановилась.

— Все живы-здоровы, — полувопросительно-полуутвердительно сказала она.

— Ребенок вроде цел, — ответил папа.

— Надеюсь, это не повлияет на ваш отзыв?

— Какой отзыв? — спросил папа.

— Ах так! — возмутилась Маргарет — полубожиженно-полусердито,

но очень гордо.

— Пойдемте обедать, — предложил папа.

— Спасибо, я, пожалуй, обойдусь без обеда, — ответила Маргарет.

Она повернулась к лестнице и начала свое утомительное восхождение.

Роберт вдруг не выдержал.

— Бедная Маргарет, — сказал он.

— Бедная Маргарет, — кивнул отец. — Что мы будем без нее делать?

Роберт наблюдал, как муравей прячется за запотевшей бутылкой белого вина на столе. Вдруг по светло-зеленому стеклу, оставляя за собой идеально ровный и гладкий след, покатила капля влаги. Муравей показался вновь — увеличенный стеклом, он лихорадочно сучил лапками, пробуя блестящий кристалл сахара, просыпанного Джулией во время послеобеденного кофе. Над их головами лениво полоскал на ветру брезентовый навес, и почти в такт его медленным движениям то нарастал, то спадал стрекот цикад. Мама отдыхала с Томасом, Люси смотрела кино, а Роберт остался на улице, хотя Джулия практически заставляла его присоединиться к Люси.

— По большей части люди ждут смерти родителей с чувством невероятной грусти и мечтами о новом бассейне, — говорил папа, беседуя с Джулией. — Раз уж о бассейне мне мечтать не приходится, я решил заодно отказаться и от грусти.

— А нельзя притвориться шаманом и все-таки заполучить в наследство дом? — спросила Джулия.

— Увы, я редкая особь человеческого вида, начисто лишенная целительных способностей. Все вокруг уже давно открыли в себе внутреннего шамана, а я по-прежнему сижу в западне собственных материалистических взглядов на устройство Вселенной.

— В таких случаях выручает лицемерие, — сказала Джулия. — У меня рядом с домом открылся магазин «Радужный путь». Если хочешь, куплю тебе барабан и пучок перьев.

— От твоих слов я сразу ощутил прилив магической силы, — зевнув, сказал папа. — Оказывается, и я могу быть чем-то полезен здешнему славному племени. Я и не догадывался об этом, пока не открыл в себе удивительный дар ясновидения.

— Во-от, — одобрительно протянула Джулия. — У тебя получается. Оглянуться не успеешь, как станешь здесь главным шаманом.

— Ну нет, мне и без спасения мира хватает забот.

— Порой, ограничивая себя одной лишь заботой о детях, люди ставят

крест на собственной жизни, — со строгой улыбкой произнесла Джулия. — Со временем дети становятся личностями — цельными или ущербными, — они откладывают свое счастье на потом, пьют беспробудно или знают меру, сдаются, разводятся или сходят с ума. Та часть тебя, что отвечает за борьбу с депрессией и разложением, полностью переключается на защиту детей от депрессии и разложения. Тем временем погружаешься в депрессию и разлагаешься ты сам.

— Не согласен, — ответил папа. — Когда борешься только за себя, приходится быть злым и постоянно держать оборону...

— Весьма полезные качества, — перебила его Джулия. — Вот почему так важно не слишком хорошо относиться к своим детям — иначе они не выдержат конкуренции в настоящем мире. Если хочешь, чтобы они стали, к примеру, продюсерами или топ-менеджерами, бесполезно забивать им голову представлениями о доброте, честности и порядочности. Не то из них вырастут клерки и секретари.

Роберт решил спросить у мамы, правда это или Джулия... ну просто такая. Она каждый год приезжала к ним в гости с дочерью Люси, заносчивой девчонкой на год старше его. Он знал, что мама не слишком жалуется Джулию, бывшую подружку отца. В ее присутствии мама начинала не только ревновать, но и немного скучать. Похоже, Джулия мечтала об одном — чтобы люди считали ее умной, и сама не знала, как это прекратить.

— По-настоящему умные люди просто думают вслух, — однажды сказала Роберту мама, — а Джулия думает, какое впечатление ее слова производят на окружающих.

А еще Джулия вечно пыталась подружить Роберта с Люси. Позавчера Люси хотела его поцеловать. Поэтому он и отказался смотреть с ней кино. Вряд ли его передние зубы выдержат еще одно такое столкновение. Странная все-таки теория — что ему полезно проводить время со сверстниками, даже если они ему не нравятся. Разве отец, например, пригласил бы на чай какую-нибудь женщину только потому, что ей сорок два года?

Джулия опять возилась с сахаром — крутила ложку в сахарнице.

— После развода с Ричардом меня то и дело настигают жуткие приступы головокружения. Такое чувство, что меня не существует.

— Знаю это чувство! — воскликнул Роберт, обрадовавшись хоть

сколько-нибудь понятной ему теме.

— Ты еще слишком мал, чтобы знать. Наверно, ты просто слышал, как об этом говорят взрослые.

— Нет! — возмутился он столь несправедливой оценке. — Со мной правда такое случается.

— Ты его недооцениваешь, — сказал папа. — Роберт не по годам подкован в вопросах всяких ужасов. Но это ничуть не мешает его счастливому детству.

— Вообще-то, мешает, — вставил Роберт, — в тот момент, когда я это чувствую.

— Ах, когда чувствуешь... — со снисходительной улыбкой произнес папа.

— Понимаю тебя, — сказала Джулия и накрыла ладонь Роберта своей. — В таком случае — добро пожаловать в мой клуб, милый.

Ему ни капли не хотелось быть членом ее клуба. Он сразу весь зачесался, потому что чувствовал непреодолимое желание отдернуть руку, но боялся показаться невежливым.

— Я-то считала, что дети устроены проще взрослых. — Джулия убрала руку и положила ее на папино плечо. — Мы как ледоколы — неумолимо прокладываем себе путь к очередному предмету желаний.

— Что может быть проще, чем неумолимо прокладывать путь к очередному предмету желаний? — спросил папа.

— Не прокладывать.

— Самоотречение — это не так просто, как кажется.

— Самоотречением оно называется только в том случае, если у человека есть желания, — сказала Джулия.

— У детей полно желаний, — заметил папа. — Но ты права, — в сущности, они хотят одного: постоянно быть рядом с любимыми.

— Нормальные еще хотят смотреть «Индиану Джонса», — вставила Джулия.

— Нас проще отвлечь, — сказал папа, пропустив ее последние слова мимо ушей, — мы привыкли к культуре подмен и легче забываем, кого любим на самом деле.

— Неужели? — улыбнулась Джулия. — Как это мило.

— До известной степени, — сказал папа.

Роберт не понимал, о чем они говорят, но Джулия заметно повеселела.

Видимо, подмена — это что-то замечательное. Не успел он спросить, что это такое, как их окликнул голос — ласковый голос с сильным ирландским акцентом:

— Есть тут кто?

— Ах ты черт... — пробормотал папа. — Босс пришел.

— Патрик! — тепло воскликнул Шеймус, шагавший к ним в яркой рубашке с пальмами и радугами. — Роберт! — Он бодро взъерошил ему волосы. — Какая приятная встреча! — сказал он Джулии, глядя на нее честными голубыми глазами и твердо пожимая ей руку. Все-таки дружелюбия и обходительности ему было не занимать. — Какое чудное местечко вы выбрали! Мы нередко устраиваемся тут после сеанса — люди плачут, смеются и просто привыкают к самим себе. Это настоящее место силы — место высвобождения колоссальной энергии. Да-да, — вздохнул он, будто бы соглашаясь с чьим-то мудрым замечанием. — На моих глазах люди не раз избавлялись здесь от бремени...

— К слову, об «избавлении от бремени»... — Отец с отвращением вернул фразу Шеймусу, будто держа кончиками пальцев чей-то использованный носовой платок. — Открыв сегодня утром прикроватную тумбочку, я обнаружил внутри столько брошюр «Целительных барабанов», что мне было некуда положить паспорт. А в шкафу хранится пара сотен экземпляров книги «Путь шамана», которые, знаешь ли, стоят на пути моей обуви.

— Путь обуви, ха-ха! — повторил Шеймус и разразился здоровым громогласным смехом. — Неплохое название для книги о том, как поддерживать связь с реальностью.

— Не кажется ли тебе, что эти продукты корпоративной жизнедеятельности можно было удалить из спальни к нашему приезду? — стремительно и холодно отчеканил Патрик. — В конце концов, моя мать сама не раз говорила, что в августе дом возвращается к своей прежней инкарнации — то есть становится семейным гнездом.

— Конечно-конечно, — ответил Шеймус. — Прими мои извинения, Патрик. Это, наверное, Кевин и Анетта забыли. Перед возвращением в Ирландию они прошли процесс глубинного переустройства личности и, видимо, не уделили должного внимания подготовке комнаты к вашему приезду.

— Ты тоже вернешься в Ирландию?

— Нет, я пробуду здесь весь август, — сказал Шеймус. — Издательство «Пегас пресс» попросило написать для них небольшую книгу о работе шамана.

— Как любопытно! — воскликнула Джулия. — Вы, оказывается, шаман?

— Знаешь, я ознакомился с писаниной, что стояла на пути моей обуви, — заметил папа, — и у меня возникло несколько вопросов. Неужели ты двадцать лет ходил в помощниках у сибирской ведуньи? Коротким северным летом собирал целебные травы под полной луной? Был погребен заживо и переродился? Твои глаза слезились от дыма костров, когда ты молился духам и заговаривал умирающих? Ты пил мочу оленя, съевшего *Amanita muscaria*¹, дабы отправиться в другие миры и разгадать тайну сложного диагноза? Или, может быть, тебя угощали аяуаской шаманы индейских племен бассейна Амазонки?

— Нет, но я получил образование медработника в системе ирландского здравоохранения.

— Это, несомненно, адекватная замена погребению заживо, — сказал папа.

— Я много лет проработал в реабилитационном центре: отмывал лежащих пациентов от мочи и фекалий, кормил с ложечки стариков, которые не могли есть сами.

— Умоляю, не надо, — сказала Джулия, — мы ведь только что пообедали.

— В те годы такова была моя реальность, — сказал Шеймус. — Иногда я спрашивал себя, почему не получил полноценное медицинское образование, не окончил университет? Но теперь я благодарен судьбе за годы, проведенные в реабилитационном центре, — они помогли мне сохранить связь с реальным миром. Когда я открыл для себя холотропное дыхание и отправился в Калифорнию учиться у Стэна Грофа, я встретил немало людей не от мира сего, так сказать. Помню одну даму в платье цвета заката, которая представилась нам так: «Я Тамара из системы Веги, на Землю прилетела исцелять и обучать людей». Услышав это, я сразу вспомнил своих славных старичков из Ирландии: благодаря им я твердо стоял на земле.

— А это холо... как там его... тоже шаманская штука? — спросила

Джулия.

— Нет, не совсем. Я изучал холотропное дыхание еще до того, как занялся шаманством, но все это, конечно, связано. Оно тоже помогает людям установить контакт с потусторонним, с другим измерением. После такого контакта в жизни человека порой происходят радикальные перемены.

— Но я не понимаю, почему вы называете это благотворительностью. Люди ведь не бесплатно здесь живут? — спросила Джулия.

— Нет, не бесплатно, — ответил Шеймус. — Но выручка идет на стипендии для таких учеников, как Кевин и Анетта, которые хотят освоить шаманское дело. Они начали привозить сюда группы городских ребят из Дублина, которым мы разрешаем посещать курсы бесплатно. Чудесно видеть перемены в их сознании. Они интересуются музыкой транс и барабанами. Подходят ко мне и говорят: «Шеймус, это невероятно! Это как приход без наркотиков!» А потом передают весть своим городским друзьям, открывают там собственные шаманские группы.

— Ага, стало быть, твоя благотворительная организация помогает людям испытывать приходы, — сказал папа. — В нашем мире, полном невзгод и бедствий, ты находишь единицы несчастных, которые не способны ловить кайф самостоятельно. И потом, ну мечтают люди о приходах — так дай им дозу кислоты. К чему эта возня с барабанами?

— Сразу видно адвоката, — благодушно заметил Шеймус.

— Я только рад за людей, у которых есть хобби, — сказал папа. — Просто мне кажется, что заниматься им надо под уютной крышей родного дома.

— Увы, Патрик, не все дома одинаково уютны.

— Да, об этом я знаю не понаслышке. Кстати, об уюте; нельзя ли прямо сейчас убрать из нашей комнаты книжки и прочий рекламный мусор?

— Конечно, — ответил Шеймус. — Конечно.

Они с папой встали и собрались уходить. До Роберта дошло, что он останется наедине с Джулией.

— Я вам помогу! — крикнул он и пошел с ними.

Папа повел их в дом и остановился практически на пороге.

— Все эти шуршащие буклеты у входа — реклама других центров,

институтов, курсов исцеления, продвинутых уроков игры на барабанах — все это пропадает здесь зря. Я бы даже сказал, что мы и вовсе обойдемся без информационной доски, — заявил папа, снимая со стены упомянутую доску, — хотя мне очень даже по душе ее пробковое покрытие и разноцветные кнопочки.

— Без проблем, — ответил Шеймус, заключая доску в объятия.

Несмотря на то что папа вел себя очень сдержанно, ясно было, что он буквально одурманен яростью и презрением. Роберт хотел прощупать и чувства Шеймуса, но тот как-то сразу закрылся. Постепенно мальчик пришел к ужасному выводу: Шеймус испытывает к его папе чувство жалости. Он прекрасно знает, кто тут главный, и поэтому без труда выносит нападки разъяренного ребенка. Эта гнусная жалость — своеобразный щит, который позволяет ему не ощущать на себе всей силы отцовского гнева. Роберт оказался между двух огней и, чувствуя страх и собственную беспомощность, незаметно выскользнул на улицу, а папа тем временем повел Шеймуса к месту очередного преступления.

На улице тень от дома уже напозла на клумбы, стоявшие на краю террасы: какой-то пассивной частью разума Роберт понял, что наступила середина дня. Цикады все стрекотали. Он видел, не глядя, и слышал, не слушая; кроме того, он сознавал, что в данный момент ни о чем не думает. Его внимание, обычно скакавшее от одного предмета или явления к другому, было совершенно спокойно. Он немного испытал это спокойствие на прочность, но сильно не давил — не хотелось снова превращать свой разум в шарик для пинбола. Сейчас его поверхность казалась стеклянной и абсолютно гладкой, как вода в пруду, сонно отражающая небесные узоры.

Забавно: представляя этот пруд, Роберт начал разрушать транс, с которым его сравнивал. Захотелось пойти на настоящий пруд у вершины лестницы — каменный полукруг с водой в самом конце подъездной дорожки, где под зеркальной поверхностью прятались золотые рыбки. Да-да, именно так; незачем ходить за папой и Шеймусом, лучше пойти к пруду и покрошить в воду хлеб. Если повезет, из глубины поднимется скользкое огненное колесо из оранжевых рыбок. Роберт сбегал на кухню, схватил там черствую краюшку и помчался по каменным ступеням к пруду.

Папа рассказывал, что зимой родник вырывается из трубы и хлещет

прямо по мельтешащим рыбкам. Вода переливается через край, стекает в нижние пруды и в конце концов попадает в речку, что бежит по дну долины. Вот бы когда-нибудь на это посмотреть! К августу пруд мельчал. Вода едва сочилась из бородатой, заросшей ряской трубы. Осы, шершни и стрекозы носились над теплой зеленоватой припыленной поверхностью прудика, время от времени опускаясь на листья кувшинок, чтобы попить. Рыбки поднимались со дна очень редко, только если их приманить едой. Лучший способ покормить черствый хлеб — потереть друг о друга два кусочка, чтобы они рассыпались на мелкие крошки. Если бросать крупные куски, они просто тонут, а крошки держатся на поверхности, как пыль. У самой необычной рыбки — той, ради которой он сюда и пришел, — на боках красовались красно-белые полосы. Остальные были всех оттенков оранжевого, еще Роберт видел пару черных мальков, но те со временем либо превратятся в оранжевых, либо вымрут, потому что крупных черных особей он не заметил.

Разломив краюшку, он принялся тереть друг о друга две половинки. Дождь из легких крошек падал на воду, они расплывались в разные стороны, но ничего не происходило.

На самом деле вихрь из золотых рыбок Роберт видел лишь однажды. С тех пор либо никто не показывался вовсе, либо одна-единственная рыбка лениво всплывала навстречу тонущим хлебным крошкам.

— Рыбы! Рыбы! Рыбы! Ну же! Рыбы! Рыбы! Рыбы!

— Призываешь свое тотемное животное? — спросил чей-то голос.

Роберт резко обернулся и обнаружил за спиной благодушно улыбающегося Шеймуса, в ослепительной рубашке с тропическим узором.

— Рыбы! Рыбы! Рыбы! — подхватил Шеймус его призыв.

— Нет, я их просто кормлю, — пробубнил Роберт.

— А ты никогда не ощущал духовной связи с рыбами? — наклоняясь поближе, спросил Шеймус. — В этом суть тотемного животного: оно помогает человеку на его жизненном пути.

— Да они мне просто нравятся. Я не жду, что они будут для меня что-то делать.

— Например, рыба приносит нам вести из глубин подсознания, — сказал Шеймус, делая волнообразные движения рукой. — Здешние

места — поистине волшебные. — Он закрыл глаза, потянулся и размял шею. — Мое личное место силы находится в том лесочке, возле птичьей поилки. Бывал там? Впервые меня привела туда твоя бабушка, для нее это место тоже было особенным. Именно там я лучше всего ощущаю связь с другой реальностью.

Роберт вдруг понял, что ненавидит Шеймуса, — и в тот же миг осознал неизбежность этого чувства.

Тот поднес ко рту рупор из сложенных ладоней и завопил:

— Рыбы! Рыбы! Рыбы!

Роберту захотелось его прибить. Будь у него машина, он бы его задавил. Будь у него топор, он бы его зарубил.

Тут наверху открылась дверь, скрипнула москитная сетка. На улицу вышла мама с Томасом на руках.

— А, это вы. Здравствуй, Шеймус, — вежливо проговорила она. — Мы уже почти заснули, и я никак не могла взять в толк, откуда у нас под окнами объявился торговец рыбой.

— Мы призывали рыб, — пояснил Шеймус.

Роберт побежал к маме. Она присела рядом с ним на низкий каменный заборчик, подальше от Шеймуса, и стала показывать Томасу пруд. Роберт понадеялся, что рыбы не приплывут прямо сейчас — не то Шеймус решит, что это он их вызвал. Бедный Томас, он, может, никогда и не увидит оранжевого вихря. И рыбку с красно-белыми полосками тоже. Шеймус отберет у них пруд, и лес, и птичью поилку, и всю эту красоту. Если вдуматься, выходит, что родная бабушка желала маленькому Томасу зла с самого его рождения. Она и не бабушка вовсе, а скорее, злая мачеха из сказки. Зачем она показывала Шеймусу лесную поилку для птиц? Как она могла? Роберт заботливо погладил Томаса по головке. Тот начал смеяться — удивительно низким, грудным смехом, — и до Роберта дошло, что малыш пока ничего не знает о тех неприятностях, что сводят с ума его старшего брата, и знать о них ему вовсе не обязательно.

¹ Мухомор красный (лат.).

Джош Пэккер был одноклассником Роберта. Он почему-то решил (никого не спросив), что они с Робертом — лучшие друзья. Для всех оставалось загадкой, почему они так неразлучны, и самой большой загадкой это было для Роберта. Если б ему удалось хотя бы ненадолго оторваться от Джоша, он бы точно сумел найти себе нового лучшего друга, но Джош ходил за ним по пятам на детской площадке, списывал у него на диктантах и таскал его к себе в гости пить чай. За пределами школы у Джоша было одно занятие: смотреть телевизор. Их телик показывал шестьдесят пять каналов, а телик Роберта — только бесплатные. У Джоша были очень богатые родители, которые покупали ему всякие невиданные игрушки даже раньше, чем о них узнавали остальные дети. На последний день рождения он получил детский электрический джип со встроенным DVD-плеером и мини-телевизором. Он катался на нем по саду, уничтожая цветы и пытаясь задавить своего пса Арни. В конце концов он врезался в куст, и они с Робертом сидели под дождем и смотрели мини-телик. Придя в гости к Роберту, он с порога заявил, что игрушки у того дурацкие, и начал ныть, что ему скучно. Роберт попытался придумать с Джошем какую-нибудь игру, но Джош не умел ничего придумывать. В течение трех секунд он изображал какого-то телевизионного персонажа, после чего упал на землю и заорал: «Я умер!»

Вчера позвонила мама Джоша — Джилли. Они сняли на весь август потрясающий дом в Сен-Тропе, не хотят ли Мелроузы приехать на денек всей семьей — поиграть и повеселиться? Родители решили, что Роберту будет полезно провести время со сверстником. Да и им самим не повредит смена обстановки — родителей Джоша они видели всего один раз, на спортивных состязаниях в школе. Впрочем, поговорить с ними тогда не удалось: они были слишком заняты съемкой фильма о спортивных достижениях Джоша, чтобы с кем-то разговаривать. Джилли показала, как ее камера снимает в замедленном режиме, только замедленный режим им не пригодился: Джош прибежал последним.

Итак, они отправились в путь, и папа безостановочно ворчал за рулем. После отъезда Джулии он стал гораздо сварливей. Вот зачем, спрашивается, они поперлись по такой жаре и пробкам в Сен-Тропе — «не город даже, а всемирное посмешище»?

Роберт сидел рядом с Томасом, а тот лежал в старом автокресле лицом к спинке грязного сиденья — только его он и видел. Роберт карабкался по ножке брата игрушечной собачкой и тявкал. Собачка явно была безразлична Томасу. Оно и понятно, думал Роберт. Брат ведь еще не видел настоящей собаки. С другой стороны, если бы его интересовали только знакомые предметы, он бы до сих пор сидел в западне медицинских ламп родовой палаты.

Когда они наконец нашли нужную улицу, Роберт первым заметил название «Les Mimosas»², выведенное косым шрифтом на грубой каменной плитке. Они одолели тряский ребристый цемент подъездной дорожки и очутились на парковке, уже изрядно забитой личным автопарком Джима: черным «рейнджровером», красным «феррари» и старым бежевым кабриолетом с потрескавшимися кожаными сиденьями и пузатыми хромированными решетками. Папа припарковал их «пежо» рядом с гигантским кактусом с зазубренными листьями, торчавшими во все стороны.

— Вилла в неороманском стиле, отделанная учеником позднего Гогена-сифилитика, — изрек папа. — Что может быть прекрасней? — Тут он заговорил золотистым рекламным голосом: — Расположенная в элитном закрытом районе Сен-Тропе всего в шести часах езды от легендарного кладбища домашних животных Брижит Бардо...

— Милый, — перебила его мама.

В окно постучали.

— Джим! — радостно воскликнул отец, опуская стекло.

— А мы как раз собрались в магазин за надувными игрушками для бассейна, — сказал Джим, убирая видеокамеру, на которую снимал прибытие гостей. — Может, Роберт хочет с нами?

Роберт покосился на Джоша: тот скрючился на заднем сиденье «рейнджровера» и явно играл в «геймбой».

— Нет, спасибо, — ответил Роберт. — Я помогу перетащить вещи.

— Неплохо вы его вымуштровали! — восхитился Джим. — Джилли

принимает солнечные ванны у бассейна. Просто идите по дорожке, не заблудитесь.

Они прошли по белой колоннаде, размалеванной видами Тихого океана, и оказались на упругой лужайке, обрамлявшей бассейн: воды было практически не видно за флотилией надувных жирафов, пожарных и гоночных машин, футбольных мячей, гамбургеров, Микки, Минни и Гуфи. Папа шел кособоко, держа в одной руке кресло со спящим Томасом, а мама тащила сумки и напоминала груженого мула. Джилли лежала на желто-белом шезлонге в компании двух лоснящихся незнакомцев — у всех троих на голове были парики из проводов и наушников. Тень папы упала на прожаренное лицо Джилли, и та открыла глаза.

— Ой, здравствуйте! — воскликнула она, вынимая наушники. — Простите, я была в другой реальности.

Хозяйка дома встала, чтобы поприветствовать гостей, но тут же попятилась, вытаращив глаза на Томаса и прижав руку к груди.

— Боже мой! Какой красивый младенец! Извини, Роберт. — Она вонзила длинные блестящие ногти в его плечи, чтобы он не упал. — Не хочу подливать масла в огонь братской вражды, но твой младший брат — это нечто. Ты у нас нечто, да ведь? — запричитала она, подлетая к Томасу. — Попомни мои слова, Роберт: ты еще поревнуешь, когда девочки начнут штабелями ложиться к его ногам. Боже, ну и ресницы! Вы планируете третьего? Если бы у меня родился такой красавчик, я бы захотела еще шестерых, ей-богу. Ну и жадина, правда? Ничего не могу с собой поделатать, он просто чудо! Простите, от восторга я совсем забыла представить вас Кристине и Роджеру. А им и дела нет. Они тоже в другой реальности. Эй, очнитесь! — Она сделала вид, что пинает Роджера. — Роджер — партнер Джима по бизнесу, — пояснила она. — А Кристина из Австралии. Она на четвертом месяце беременности.

Джилли тряхнула Кристину за плечи.

— Ой, привет! — очнулась та. — Что, уже приехали?

Всех гостей представили друг другу.

— Я им уже доложила про твою беременность, — сообщила хозяйка Кристине.

— Ага. Правда, беременной я себя не чувствую — просто немного набрала вес, как будто выпила четыре бутылки «Эвиан» или вроде того.

Ну серьезно, меня даже не тошнит по утрам! Недавно Роберт спрашивает: «Хочешь в январе покататься на лыжах? У меня командировка в Швейцарию». И я такая: «Конечно, почему нет?» Представляете, мы оба забыли, что мне в январе рожать!

Джилли рассмеялась и закатила глаза.

— Просто витаю в облаках! — воскликнула Кристина. — Имейте в виду, беременность отупляет.

— Смотри, какие лица, — сказала ей Джилли, показывая пальцем на родителей Роберта. — Они не верят своим ушам. Любящие родители, не то что некоторые.

— А мы — разве нет? — возмутилась Кристина. — Ты ведь знаешь, как мы обожаем Меган. Меган — это наша двухлетка, — пояснила она гостям. — Мы оставили ее с мамой Роджера. Она только что открыла для себя гнев — ну, вы знаете, как дети открывают новые эмоции и потом прорабатывают их на всю катушку, пока не докопаются до следующей.

— Любопытно, — сказал папа Роберта. — То есть эмоции никак не связаны с тем, что дети чувствуют, — это просто пласты в археологических раскопках. Когда они откапывают радость?

— Когда отвозишь их в «Леголенд», — сказала Кристина.

Тут с трудом пришел в себя Роджер — и сразу схватился за наушник:

— Привет! Ой, простите, мне звонят.

Он встал и заходил туда-сюда по лужайке.

— Вы привезли с собой няню? — спросила Джилли.

— У нас нет няни, — ответила мама.

— Какая ты смелая! Даже не знаю, что бы мы делали без нашей Джо. Она с нами всего неделю и уже успела стать членом семьи. Можешь и своих на нее свалить, она просто чудо!

— Да мы, в общем-то, и сами справляемся.

— Джо! — крикнула Джилли. — Джо-о-о!

— Скажи, что это смешанный пакет акций досуговых и гостиничных предприятий, — говорил в трубку Роджер. — На данном этапе лучше обойтись без подробностей.

— Джо! — вновь позвала Джилли. — Совсем обленилась, зараза, весь день листает журнал «Хэлло!» и жрет мороженое «Бен и Джерри». Прямо как ее работодатель, скажете? Угу-угу, только она еще и деньги